

Кн. обозрение. — 1999 — 5 янв. — с. 25

Валерий ЛЕОНТЬЕВ: «ПОКЛОННИКИ ЕЖЕДНЕВНО ДАРЯТ МНЕ ПО НЕСКОЛЬКУ КНИГ...»

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ — один из тех «первопроходцев» советской эстрады, кто резко ломал всяческие ее стереотипы. В наше время он, наверное, единственный из представителей своего жанра, кто сумел оградить свою персону от излишней, подчас искусственно раздутой скандальности. Во многом это определило его взаимоотношения с прессой: разговор должен быть предметным — безо всяких вторжений в личное, сокровенное.

— С какой книгой Валерий Леонтьев проводит сейчас свободные дни и вечера?

— До последнего времени вечера проводил с Франсуазой Саган. С удовольствием — чуть ли не в двадцать пятый раз — перечитываю «Поклоннику никто не пишет» Маркеса. Поклонники каждый Божий день подкидывают мне по несколько книг. У меня даже существует отдельный баул, в котором ездят книги самого разного свойства: для дорожного чтения; для углубленного самокопания в себе; о жизни; развлекательные...

— Ваше поведение на сцене всегда выбивалось и выбивается из тотального однообразия нашей эстрады. Говорят, в прошлом это вам сильно мешало?

— Я никогда не вписывался в установленные рамки. Мне это претит — более того, мне это противопоказано. Советская система попила у меня кровушки — не дай Бог! Когда-то из-за моего «кривлянья» на сцене меня лишили телевизионного эфира аж на четыре года: в 1981 году на фестивале поп-музыки в Ереване американские журналисты сравнили мой вокал с Миком Джаггером, а хореографию — с Михаилом Барышниковым. Неведомыми путями журнал с этими сравнениями попал на стол к бывшему председателю Гостелерадио Лапину. Он пришел в ужас и запретил мое появление на телеэкране.

— Как вы считаете, исчезнет или нет направление высокохудожественной эстрадной песни с уклоном с эстрады певцов вашего поколения?

— Пока, по моему, нам вообще не грозит приход высокохудожественной эстрады. Можно не опасаться! Мы, дешевая поппса, еще долго будем жить, поскольку хороших эстрадных песен не наблюдается.

— Кто вы — по собственному определению — певец или шоумен?

— Долгое время у нас любое зрелищное мероприятие именовалось концертом или программой. За рубежом это всегда называется шоу. Принципиальной разницы я не вижу.

— В следующем году вам исполняется 50 лет. Как вы готовитесь к этому юбилею?

— В марте будущего года собираюсь показать премьеру совершенно нового шоу, но подробности пока держу в секрете.

— В вашем творческом активе есть мюзикл «Джордано». Не собираетесь ли вы продолжить этот опыт?

— Музыкальный спектакль — слишком сложная и дорогостоящая форма. Она требует привлечения огромного числа людей. В «Джордано» работало свыше 70 человек. Некоторые солисты, такие, как Лариса Долина, ансамбль пантомимы Жеромского, на период работы в мюзикле согласились изменить свои творческие планы, личные дела, гастроли... «Джордано» постигла печальная участь. Странно, что о нем еще помнят. Мы отработали почти 50 спектаклей, не заработав при таком количестве участников практически ничего. Всем участникам надо было ездить на гастроли, петь, заниматься своими делами. ТВ хотело снять телеверсию, но композитор Лора Квинт буквально наступила на горло собственной песне и не дала согласия на телесъемку: одна из киностудий предложила ей сделать киноверсию «Джордано» с тем же составом участников. Поэтому проект с телеверсией сразу отпал. Киноверсия же по ряду причин не состоялась, и все, что осталось у меня от «Джордано», — это несколько фрагментов, снятых на камеру в Ленинграде режиссером Владимиром Шерстобитовым...

— В этом году вас «закатали» в асфальт на площади у ГЦКЗ «Россия» — появилась звезда с вашим именем. Какую планку вы наметили для себя на будущее?

— Хочу признаться — и это будет правдой — я — человек, лишенный каких бы то ни было амбиций, поэтому не планирую себе каких-то там памятников или чего-то еще из архитектурной серии. Я живу, скорее, сегодняшним днем — ну, максимум завтрашним — и планирую, что нужно сделать сегодня или завтра. Это и делаю. Если потом сва-

ливается на голову или под ноги плита со звездой, считаю это приятными издержками производства.

— Сейчас у верхушки эстрадного Олимпа принято совершать супертуры со всей полагающейся звездной атрибутикой — собственными самолетами, мощной рекламной кампанией и т.д. Почему вы не используете ничего подобного?

— У меня нет в этом необходимости. Зачем устраивать мощную рекламную кампанию, если достаточно расклеенных по городу афиш? Что касается личного самолета, то к моим услугам «Трансаэро», «Аэрофлот» и другие авиакомпании. Пока они выполняют свои обязанности, я чувствую себя вполне уютно. Еще я считаю, что состоявшимся артистам, которые много лет находятся в фокусе зрительского интереса, не нужно (а может быть, и вредно!) очень часто находиться в телевизионном эфире, тем самым провоцируя синдром зрительского привыкания. Самое лучше, что я могу сделать в рекламных целях, — это хорошо работать.

— На каждом концерте вы тратите массу энергии. В чем вы ее черпаете?

— Вот вчера мы всю ночь сидели с Игорем Крутым, разучивали новую песню. Так «начерпались» до утра, что я лег спать в пять часов. Сейчас бы не мешало доспать, но дела, дела...

— Современный сольный концерт по своей энергетике можно сравнить с выступлением спортсмена на Олимпийских играх. Если по спортивным правилам на эстраде будут так же проводить допинг-контроль, когда следует это делать — до или после концерта?

— Я думаю — вместе! Я бы прошел такой допинг-контроль в любом случае: до концерта само собой; а во время концерта мне, как вы понимаете, ни пить, ни колоться некогда. Да и незачем.

— Вы счастливый человек, но у вас печальные глаза Пьеро. Есть ли у вас своя формула счастья?

— Я об этом никогда не задумывался и даже не пытался ее составить. Я чувствую себя если не счастливым человеком, то, по крайней мере, человеком, сделавшим свое дело. Если концерт удался, я испытываю удовольствие, чувствую себя умиротворенным и счастлив уже от этого. Что касается успеха, то я никогда его не жду и готов к провалу, неудаче. Банальная истина: успех базируется на большой работе.

— Какое у вас самое яркое концертное воспоминание?

— Запомнился один концерт в Тбилиси: сцена была сооружена на громадной платформе-поплавке посреди бассейна. Во время выступления эмоции настолько меня захлестнули, что я не выдержал и бросился в воду. Балет ошалело посмотрел на меня — и тоже сиганул следом. Затем нашему примеру последовала и публика. Пример всем подала какая-то экзальтированная дамочка в белом платье из первого ряда, а за ней уже посыпались все остальные. Как нас потом вылавливали — отдельная история...

— Вы занимаетесь своей внешностью или полагаетесь на природу?

— Как показывает опыт, люди, полагающиеся исключительно на природу, нередко в определенном возрасте становятся на пять-шесть размеров больше, чем они были. Поэтому я не рискую полагаться только на нее и по возможности стараюсь заниматься собой, чтобы в один далеко не прекрасный момент не переместиться из сорок восьмого размера в пятьдесят восьмой.

— Как часто вы прибегаете к услугам пластического хирурга?

— Не чаще, чем к услугам гинеколога.

— Вам знакомы сильные эмоции, например, плач?

— Конечно, знакомы. Но плачу я чрезвычайно редко, потому что в тех ситуациях, когда другие плачут, я предпочитаю что-то делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Впрочем, на одном концерте в конце лета на глаза слезы-таки навернулись — по очень простой причине: отпуск подходил к концу. Прощайте, свободные денечки!

Беседовала Ирина БАРЫШЕВА.